

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

А. В. Старцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 ноября 2010 г.

**Аннотация:** данная статья является попыткой осмысления стабилизации политических отношений, произошедшей при В. Путине. Используя исторический подход и факторный анализ, автор пытается проинтерпретировать происходившие в 2000-х гг. политические процессы и выделить риски настоящей политической ситуации.

**Ключевые слова:** политическая стабильность, легитимность, политический режим, культурная инерция.

**Abstract:** this article is an attempt to understand the stabilization of political relations that occurred under Putin. Using a historical approach and factor analysis, the author tries to interpret political processes which have taken place in the 2000<sup>th</sup> and highlights risks of the present political situation.

**Key words:** political stability, legitimacy, political regime, cultural inertia.

Особенностью социальных трансформаций в России в конце XX – начале XXI в. выступает постепенное снижение уровня политической и социальной стабильности. Дестабилизация политической и социальной ситуации, продолжившаяся по объективным и субъективным причинам, привела к двум войнам на территории Российской Федерации, катастрофическому падению уровня жизни населения и угрозе распада России как государства [1].

Исследователи реформ, транзитологи, авторы, работающие в русле модернизационной парадигмы, отмечают важность сохранения минимальной политической стабильности для успеха преобразований. Отчасти специфика российских реформ и их катастрофических последствий кроется в недоучете важности поддержания политической стабильности в обществе. Проведение ряда реформ в период с 1991 по 1998 г. все больше и больше дестабилизировало общество и политическую сферу, но власть сознательно шла на дальнейшую дестабилизацию и реформирование, считая, что перспективный экономический рост сгладит все социальные разломы и противоречия и стабилизирует обстановку. Результатом реформ стал масштабный экономический кризис, обнищание широких слоев населения, обвальная потеря доверия действующей власти. Только после 1998 г. можно говорить об усилиях политических лидеров, направленных на поддержание и укрепление стабильности как неотъемлемого компонента успешного долгосрочного развития.

Данная статья является попыткой комплексного рассмотрения российских политических процессов последнего десятилетия через призму понятия политической стабильности. Основное внимание будет сосредоточено на двух президентских сроках В. Путина и способах устранения дестабилизирующих факторов в этот период. Анализируя те или иные политические решения, следует помнить о зависимости от предшествующего развития. Ретроспективность нашего анализа как раз заключается в соотношении принимаемых решений с условиями, в которых они принимались (наличие достаточных ресурсов для реализации альтернативных вариантов, соотношение выгод и издержек того или иного варианта, общая конфигурация политических сил).

Под политической стабильностью в исследовании понимается состояние политической жизни общества, проявляющееся в устойчивом функционировании всех имеющихся в обществе политических институтов, связанное с сохранением и совершенствованием структур, с устойчивым уровнем поддержки властных институтов со стороны общества [2, с. 31].

Изменения, происходящие в России после 2000 г., во многом связываются с личностью В. Путина, занимавшего в 2000–2008 гг. пост президента Российской Федерации. Не давая оценки изменениям политического режима, постараемся проследить трансформацию факторов политической стабильности в период с 1999 по 2010 г.

Насущной потребностью антикризисного управления в 1998 г. было повышение эффективности деятельности правительства, что предпо-

лагало повышение его автономии от групп интересов и финансовой олигархии. Эта политическая линия была воплощена Е. Примаковым и позднее заимствована В. Путиным. Если в 90-е гг. происходит захват государства бизнесом, то при Путине происходит возрастание роли государства. Бизнес и олигархи были «удалены» от прямого воздействия на внешнюю и оборонную политику, кадровые перемещения и решение чисто политических проблем внутри страны. Попытки восстановить дееспособность государства при В. Путине определило укрепление позиций административно-политической бюрократии. При Путине основным источником пополнения элиты стала гражданская и военная бюрократия [3].

Тем не менее воздействие бизнеса на социально-экономическую ситуацию в стране и регионах не снизилось, но, наоборот, возросло. В немалой степени этому способствовали продолжавшаяся экспансия крупных корпораций внутри и вне страны и прежде всего масштабное перераспределение собственности в их пользу, на этот раз, правда, уже не столько государственной, сколько в основном недостаточно прочно защищенной частной.

Российский большой бизнес считал для себя вполне естественной целенаправленную поддержку близких ему по идеологии и ментальности политических сил, а его наиболее амбициозные представители – и свое участие в борьбе за высшие государственные посты. Наиболее четко озвучил эти настроения корпоративного бизнеса М. Ходорковский, который заявил о своей поддержке СПС и «Яблока».

Власть явно была не готова к тому, чтобы поменять сложившиеся методы смены правящих групп у кормила правления. На смену действующему правителю мог прийти и крупный бизнесмен, однако по существующим неписанным правилам это должен быть «свой» бизнесмен, и никто другой [4, с. 4].

Попытка крупного бизнеса конституировать себя как независимого участника политического процесса закончилась известным уголовным делом Ходорковского. Власть ясно показала, что политика – это красная черта, пересечение которой жестко карается [5]. Хотя летом и осенью 2003 г. до подобных крайних мер дело не дошло, отток капиталов, снижение деловой активности, падение капитализации имели место. Естественно, что подобные симптомы не могли не обеспокоить власти. Одной из важнейших задач политики второго срока Путина стало взятие под контроль крупных компаний. При Путине государственные компании начинают

играть все более значительную роль в экономике, в некоторых секторах тесня частных бизнесменов. Роль «Газпрома», «Роснефти» и других гигантов неуклонно растет, а в их советы директоров приходят люди из ближайшего окружения Путина. В январе 2005 г. правительство принимает решение о переводе ряда крупнейших российских компаний под прямое управление кабинета министров. Эти компании охватывают три основные отрасли экономики: топливно-энергетический комплекс (включая электроэнергетику и атомную промышленность), военно-промышленный комплекс, инфраструктуру (транспорт и коммуникации). После 2003 г., когда политическая команда Путина была в основном сформирована, его люди стали планомерно проникать в советы директоров ключевых компаний [5].

Стремясь ослабить власть бизнеса, российская администрация пошла на фактическое огосударствление наиболее важных производственных структур, во главе которых становятся, как правило, крупные правительственные чиновники и политики. Однако при этом государственные и полугосударственные предприятия не превращаются в некоммерческие, а остаются реальными участниками рыночных отношений. А поскольку руководство компании является частью политической верхушки, этот процесс не снижает, а повышает роль крупного бизнеса в целом. Однако бизнес ограничен в борьбе за политическую власть [6, с. 94].

Система внутриэлитных взаимодействий, в частности взаимодействий между политической и экономической элитами, вернулась к некоторому устойчивому равновесию. Это равновесие имеет черты советской номенклатурной элиты в том смысле, что крупный бизнес следует в политическом фарватере за властью, а ряд стратегических предприятий контролируют государственные чиновники. Имеются и принципиальные различия, выраженные в основном в экономических свободах, которыми обладает бизнес.

Кроме того, принципиально изменились каналы давления на власть и лоббирования интересов. В советское время основными каналами выступали отраслевые министерства и ведомства. Такое лоббирование позволяло государству сохранять автономию в важнейших сферах своей компетенции. В 90-е гг. лоббирование интересов экономических агентов происходит через законодательную, исполнительную ветви власти и президента лично. В 2000-е гг. происходит симбиоз, возникает множественность каналов лоббирования в условиях удаленности этих каналов от принятия стратегических решений.

Чиновники – директора важнейших предприятий имеют возможность лоббировать интересы этих предприятий напрямую, что очень сильно напоминает советское время. Частный бизнес лоббирует свои интересы в большей степени через законодательные органы и органы власти своих субъектов Федерации. Результатом такого «совмещения» стратегической независимости государства и множественности каналов лоббирования и отстаивания интересов стали, во-первых, относительная стабильность внутри-элитных отношений, а во-вторых, «приватизация бизнеса государством» и рост коррупции. Это представляется логичным: в условиях, когда существует множество каналов лоббирования, а те или иные решения определяет бюрократия, бюрократия способна выстроить с бизнесом патрон-клиентские отношения, что, по мнению многих авторов, произошло в России после 2004 г. [7].

Процессы, происходящие внутри элиты, во многом когерентны с изменениями отношений между Государственной Думой и президентом и процессами партийного строительства.

Выборы, состоявшиеся в декабре 1999 г., фундаментально трансформировали взаимоотношения исполнительной и законодательной властей. Несмотря на то, что поддерживающая Путина партия «Единство» получила лишь 18,4 % мест, она стала осевой партией – осевой в том смысле, что без ее участия невозможно было сформировать ни одну коалицию большинства. Тем не менее она была вынуждена вести постоянный торг о поддержке – даже со своими союзниками. Президент Путин сразу вмешался в процесс распределения руководящих постов в Думе для того, чтобы обеспечить «Единству» контроль над нижней палатой. В 2001 г. «Единство» организовало формальный альянс с тремя другими парламентскими объединениями, среди которых были фракция «Отечество – Вся Россия» (ОВР) и две депутатские группы. Позже в том же году фракция «ОВР» вошла в состав «Единства», результатом чего стало появление «Единой России». В четвертой Думе члены двух упомянутых депутатских групп – «Народного депутата» и «Российских регионов» – составили неформальные, но вполне признанные «клубы», действующие в рамках «Единой России» [8, с. 254]. «Коалиция четырех», в которой на момент создания весной 2001 г. состояло 234 депутата, выступила относительно устойчивой базой для обеспечения парламентского большинства законопроектам, внесенным правительством и президентом.

Стабилизирующий эффект появления коалиции партий и объединений, в своей законотворческой деятельности поддерживающих стратегические инициативы президента, был налицо. Опираясь на это большинство, возглавляемое «Единством», а позже «Единой Россией», В. Путин реализовал законотворческую повестку, нацеленную на стимулирование экономического роста.

Четвертая и пятая Думы (2003–2007, 2007–2011) характеризуются наличием абсолютного большинства у партии «Единая Россия», поддерживающей В. Путина. Эта поддержка долгое время не имела официальных оснований, и только в 2008 г. В. Путин стал беспартийным председателем «Единой России».

В количественном отношении четвертая Дума работала более продуктивно, чем ее предшественница, приняв почти тысячу законов; более ста из них были одобрены палатой в последний год работы и около сотни – в последний месяц. Президент Путин стабильно подписывал практически все, что одобряли депутаты (за время работы третьего и четвертого созывов было подписано более 90 % законопроектов, прошедших третье чтение). Но в целом законодательная активность четвертой Думы отражает сдвиги, произошедшие в законодательной повестке по сравнению с периодом работы третьей Думы. Теперь она соответствовала заинтересованности Путина в централизации власти и одновременном предоставлении доминирующей партии широких возможностей для удовлетворения финансовых запросов. Иными словами, большая часть принятых депутатами законопроектов действительно была нацелена на дальнейшую централизацию власти – например, законы, предусматривающие замену прямого избрания губернаторов президентским назначением, упразднение одномандатных округов, дальнейшее ограничение прав политических партий и ужесточение административного регулирования неправительственных организаций. Но одновременно парламентарии, также согласно воле президента, создавали новые государственные корпорации, социальные программы, государственные инвестиционные фонды. Фактически парламент заключил с президентом большую сделку, делегировав Путину власть в обмен на патронажные привилегии для элиты [9].

Создание парламентской партии, устойчиво доминирующей в Федеральном и региональных парламентах, по мнению некоторых исследователей, является результатом стратегии Кремля по закреплению преемственности складывающегося в России режима. Исходя из того, что

партийные авторитарные режимы в сравнительной перспективе рассматриваются как наиболее устойчивые по сравнению с персоналистскими и военными режимами, эту стратегию Кремля можно считать рациональной с точки зрения долгосрочных последствий [10, с. 138]. Во многом решение задачи построения партии власти совпадало с задачами монополизации и усиления инструментов административного контроля Кремля за политической повесткой.

Создание партии власти позволяло Кремлю решить три политические задачи: создать послушное большинство в Государственной Думе для бесперебойной законодательной деятельности, сформировать организационную платформу для объединения разноплановых сегментов политической элиты, сформировать дополнительную идентификационную структуру для бюрократии. Последние две задачи во многом совпадали.

На наш взгляд, Единая Россия стала стабилизатором внутриэлитных отношений. Факт принадлежности к ЕР выступает сигналом лояльности к Кремлю и В. Путину лично. Кроме того, лояльность ЕР обеспечивает бесперебойное рассмотрение в Государственной Думе стратегических законопроектов. Минусом сложившейся политической конструкции следует считать снижение качества законотворческой деятельности, что проявилось в непроработанности многих принимаемых законов, и патронажные привилегии для элиты, лояльной Путину и его курсу. Последние вылились в неприкрытую коррупцию и лоббистскую деятельность на разных уровнях управленческой вертикали.

Добившись в течение первого президентского срока укрепления власти и ее эффективности, выстроив взаимоотношения с федеральной и региональной элитами и заручившись парламентской поддержкой, В. Путин смог создать политические условия, не препятствующие экономическому росту и росту благосостояния населения. Следствием действий президента стал рост доверия населения к его политике и ему лично. Анализ голосования на федеральных президентских и парламентских выборах в 2001–2008 гг. отчетливо фиксирует рост доверия к Путину и структурам, ассоциированным с ним [10, с. 142].

Легитимация через выборы оказывает все большее и большее воздействие на поддержание политической стабильности. Однако особенностью российской социально-политической стабильности является высокое доверие к конкретным политикам – обычно к «первому лицу» государства, и крайне низкий уровень доверия к

государственным неперсонализированным институтам, например Государственной Думе, Совету Федерации. Низок уровень доверия к губернаторам, судебной системе, милиции, органам внутренних дел, социальным службам. Население скорее не доверяет политическим партиям, профсоюзам, Общественной палате [11].

Можно утверждать, что легитимность существующего режима имеет персоналистскую основу. Персональный уровень легитимности власти самый подвижный и «поддающийся корректировке» с помощью манипулятивных технологий. Низкий уровень доверия к политическим демократическим институтам не позволяет говорить о том, что население в целом приняло демократические ценности, нормы и правила поведения. Всё это ставит социально-политическую стабильность в прямую зависимость от качеств и свойств «первого лица». В этой ситуации принцип сменяемости президента, прописанный в ст. 81 российской Конституции, является, по факту, дестабилизирующим фактором. Сложившиеся внутриэлитные отношения и связи, если их описать образно, представляют перевернутую пирамиду, поставленную на вершину. Вершиной пирамиды и одновременно основанием конструкции выступает В. Путин. Вверху перевернутой пирамиды располагаются интересы элитных групп. Понятно, что точкой опоры всей конструкции выступает В. Путин. Это объясняет то пристальное внимание, с которым российская элита и общество следили за операцией «преемник» [12]. Сложившийся в настоящее время правительственный тандем президент А. Медведев – премьер-министр В. Путин является своеобразным компромиссом между требованиями российской Конституции и необходимостью сохранения политической стабильности.

Можно сделать вывод, что в течение первого десятилетия нового века происходила стабилизация субъективных факторов политического режима. Создана работоспособная система административного управления. Налажено взаимодействие с регионами. Элитные слои консолидированы вокруг фигуры президента (в настоящий момент – премьер-министра). Следствием экономического роста выступает высокий уровень доверия и поддержки населением проводимой политики. Издержками произошедшей в 2000–2008 гг. стабилизации следует считать рост коррупции и патронажно-клиентарных отношений внутри элиты и элиты с бизнес-сообществом.

В то же время не преодолен кризис доверия к демократическим институтам – партиям, институтам гражданского общества, системе разделения властей. Следует отметить, что низкий уровень поддержки институтов гражданского общества обусловлен не только тем, что россияне не устраивает их деятельность. Сограждане готовы делегировать гражданским организациям ряд второстепенных полномочий. Главное, для чего существуют организации гражданского общества, – отстаивание перед властью многочисленных интересов – не воспринимается обществом как область деятельности, где они могут добиться чего-то существенного. Отсюда апелляция к государству и его институтам по всем экономическим и социально значимым вопросам [11, с. 97]. Такая ситуация, на наш взгляд, обусловлена скорее не сворачиванием демократических преобразований при В. Путине, а устойчивостью базовых культурных ценностей, совокупностью доминирующих представлений о том, какой должна быть власть в стране и какую политику эта власть должна проводить [13, с. 81].

Конечно, идеальные представления подвержены влияниям и изменениям. Стоит отметить возрастающее значение сети Интернет в процессе изменения ценностей, правил и норм поведения.

Так, зарубежные исследователи феномена российской блогосферы отмечают, что последняя стала местом мобилизации части российского населения для решения возникающих социальных и политических задач [14, р. 34]. Ярче всего это проявилось в беспорядках 11 декабря 2010 г., участники которых координировали свои будущие действия по Интернету. Распространение Интернета и иных средств передачи информации существенно повышает требования части населения к деятельности органов государственной власти. Это создает риск дестабилизации, который может быть нивелирован снижением издержек в работе государственных учреждений. Наиболее значимыми издержками, привлекающими внимание общественности в настоящее время, являются коррупция и патронажно-клиентарные отношения. Способность президента и правительства проводить антикоррупционную политику становится все более важным фактором поддержания политической стабильности.

Экономика России стабилизирует политическую и социальную обстановку только в условиях экономического роста. В условиях кризиса она выступает дестабилизирующим фактором, как показали события в поселке Пикалево [15]. Кроме того, она является край-

не бюрократизированной, что не позволяет ей в полной мере осуществлять стабилизирующую функцию.

Можно сделать вывод, что формирующиеся российские средние слои консервируют сложившуюся политическую систему, составляя ядро симпатизантов власти и В. Путина лично. В то же время средние слои выступают средой формирования движений и организаций, отстаивающих гражданские права, таких, как движения автолюбителей, движения обманутых строительных пайщиков и др. Это свидетельствует в пользу противоречивости и неоднозначности развития российского социума в целом и политической системы в частности.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 8 июля 2000 г. // Рос. газета. – 2000. – 11 июля.
2. Колесников В. Н. Парламентаризм и политическая стабильность : факторы влияния / В. Н. Колесников // Власть. – 2010. – № 3. – С. 30–33.
3. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России : веки исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. – М. : РОССПЭН, 2006. – 446 с.
4. Перегудов С. П. Крупные российские корпорации в системе власти : от партнерства к патернализму? / С. П. Перегудов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 21. – 2004. – № 2. – С. 1–10.
5. Крыштановская О. Back to the USSR : новая российская элита / О. Крыштановская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1209368760>
6. Перегудов С. П. Конвергенция по-русски : «золотая середина или остановка на полпути? / С. П. Перегудов // Полит. исслед. – 2008. – № 1. – С. 91–109.
7. Кузьмин В. Перестать кошмарить бизнес / В. Кузьмин // Рос. газета. – 2008. – 1 авг.
8. Толстых П. GR : практикум по лоббизму в России / П. Толстых. – М. : Изд-во Альпина Бизнес Букс, 2007. – 379 с.
9. Ремингтон Т. Патронаж и партия власти : взаимоотношения Государственной Думы и президента в современной России / Т. Ремингтон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz\\_57/2288-patronazhi-partija-vlasti.html](http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_57/2288-patronazhi-partija-vlasti.html)
10. Гельман В. Я. Политические партии России : от конкуренции к иерархии / В. Я. Гельман // Полит. исслед. – 2008. – № 5. – С. 135–152.
11. Российская идентичность в социологическом измерении : аналитический доклад // Полит. исслед. – 2008. – № 2. – С. 81–104.

12. Бунин И. Кризис в современной России : социально-политическое измерение / И. Бунин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politcom.ru/7573.html>

13. Лукин А. Политический идеал и политический режим в постсоветской России / А. Лукин // Pro et Contra. – 2008. – Июль — август. – С. 81–104.

14. Public Discourse in the Russian Blogosphere : Mapping RuNet Politics and Mobilization / B. Etling, K. Alexanyan, J. Kelly ets // Berkman Center Research Publication, 2010. – 46 p.

15. Становая Т. Владимир Путин разрешил «пикалевский» кризис? / Т. Становая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politcom.ru/8293.html>

*Воронежский государственный университет*  
*Старцев А. В., соискатель кафедры социологии*  
*и политологии*

*E-mail: andreis3@rambler.ru*

*Тел.: 8-920-405-03-76, 220-83-07*

*Voronezh State University*  
*Startsev A. V., Post-graduate Student of the*  
*Sociology and Political Studies Department*

*E-mail: andreis3@rambler.ru*

*Tel.: 8-920-405-03-76, 220-83-07*